

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1'373.2.

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-249-258>

Шифр научной специальности 5.9.5

Сравнительный анализ мемориальных ойконимов и урбанонимов Калининградской области в историко-лингвистическом аспекте

Ольга Викторовна Петешова

ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта»
236041, Российская Федерация, г. Калининград, ул. Александра Невского, 14

 Opeteshova@kantiana.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Целью исследования является сопоставление кампаний по переименованию тех населённых пунктов и улиц бывшей Северо-Восточной Пруссии, вошедших в состав Калининградской области, которые или на исходных немецких картах, или на новых советских картах носят имена выдающихся деятелей двух задействованных культур. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** В ходе рассмотрения 2497 актов реноминации населённых пунктов и 1000 актов переименования улиц в этих населённых пунктах выделены 642 мемориальных ойконима и 674 мемориальных урбанонима, которые были подвергнуты сравнительному семантическому анализу. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Показано, что после переименования число мемориальных ойконимов заметно увеличивается, а количество мемориальных урбанонимов практически не меняется. После переименования с карт исчезают посвящения предпринимателям, и растёт доля топонимов, производных от фамилий военнослужащих. Для обеих сравниваемых сфер характерно стремление к увековечиванию советских людей на фоне присутствия определённой доли номинаций, образованных от фамилий деятелей русской и даже зарубежной культуры. Если в исходном топонимическом материале доминируют урбанонимы в честь местных знаменитостей, то в новом, напротив, с культурой региона чаще связываются ойконимы. Повторяемость фамилий в основе ойконимов свойственна обоим изученным временным срезам и обоим классам топонимов. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Сделан вывод о преобладании сходств над различиями во всех аспектах сравнения.

Ключевые слова: топоним, ойконим, урбаноним, переименование, реноминация, Северо-Восточная Пруссия, Калининградская область

Финансирование. Это исследование не получало внешнего финансирования.

Вклад автора: О.В. Петешова – разработка концепции исследования, анализ научной литературы, работа с архивными документами и материалами, составление таблиц, написание черновика рукописи, доработка рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Петешова О.В. Сравнительный анализ мемориальных ойконимов и урбанонимов Калининградской области в историко-лингвистическом аспекте // Неофилология. 2025. Т. 11. № 2. С. 249-258. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-249-258>

ORIGINAL ARTICLE

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-249-258>

OECD 6.02; ASJC 1203

Comparative analysis of memorial oconyms and urbanonyms of the Kaliningrad region in historical and linguistic context

Olga V. Peteshova

Immanuel Kant Baltic Federal University

14 Aleksandra Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russian Federation

 Opeteshova@kantiana.ru

Abstract

INTRODUCTION. The purpose of the research is to compare renaming campaigns of the settlements and streets in the former northern part of East Prussia that formed the Kaliningrad region. The focus is on those that either on the original German maps or on the new Soviet maps carry the names of prominent figures from the two respective cultures under consideration. **MATERIALS AND METHODS.** While examining 2497 decrees on renaming settlements and 1000 decrees on renaming streets in these settlements, 642 memorial oconyms and 674 memorial urbanonyms have been identified and consequently subjected to a comparative semantic analysis. **RESULTS AND DISCUSSION.** It is presented that after the renaming the number of memorial oconym has significantly increased, while the number of memorial urbanonyms remained essentially unchanged. As a result of the renaming dedications to entrepreneurs disappear from the maps, while the number of toponyms derived from the names of military personnel increases. Both spheres compared are characterized by the tendency to immortalize Soviet people on the background of a certain part of nominations formed from surnames of Russian and even Foreign cultural figures. While the original toponymic material is dominated by urbanonyms in honor of local celebrities, the new one, on the contrary, more often associates oikonoms with the culture of the region. The repetition of surnames in the base of onyms is peculiar to both studied time periods and both classes of toponyms. **CONCLUSION.** It is concluded that similarities prevail over differences in all points of comparison.

Keywords: toponym, oekonym, urbanonym, renaming, renomination, North-Eastern Prussia, Kaliningrad region

Funding. This research received no external funding.

Author's Contribution: O.V. Peteshova – research concept development, scientific literature analysis, working with archival papers and materials, tables compiling, writing – original draft preparation, manuscript revision.

Conflict of Interests. The author declares no relevant conflict of interests.

For citation: Peteshova, O.V. Comparative analysis of memorial oconyms and urbanonyms of the Kaliningrad region in historical and linguistic context. *Neofilologiya = Neophilology*, 2025;11(2):249-258. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-2-249-258>

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, мемориальная культура включает в себя совокупность инструментов, которые позволяют воспринимать, обрабатывать и хранить социальные смыслы, передаваемые из прошлого в настоящее для последующей трансляции в будущее. Основными жанрами мемориальной культуры являются архитектурно-скульптурные монументы, храмы и часовни, надгробия и мемориальные комплексы¹. Лингвисты, наряду с этими объектами, причисляют к элементам мемориальной культуры так называемые мемориальные топонимы, представляющие собой названия-посвящения, увековечивающие память о значимых для общества людях, событиях истории и организациях [1, с. 212].

Предпочтение мемориальных топонимов, как правило, обусловлено желанием использующего их сообщества подтвердить чувство своего единства, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение к прошлым событиям или к их репрезентации². Однако отмечается, что само сознательное увековечивание памяти не является изначальной чертой географических названий, которые долгое время формировались стихийно, а со второй половины XIX века всё чаще становились результатом официального присвоения номинаций городским объектам, правда, сначала в соответствии с нейтральным географическим принципом.

Топонимические «признания заслуг» приобрели массовый характер только после революции 1917 г., когда в связи с коренной ломкой социально-экономических отношений новая власть начинает избавляться от топонимов, восходящих к именам членов царской семьи, вводя на их место посвящения новым вождям [2, с. 583]. Не менее массовыми были замены старых топонимов на новые мемориальные сразу после Великой Отечественной войны, когда использование

подобных единиц способствовало символическому подкреплению консолидации общества после присоединения к СССР новых территорий [3, с. 88].

За этот период, отличившийся ускоренными трансформациями топонимов при изменении статуса увековечиваемых деятелей [4] и получивший в истории отечественных топонимических реноминаций наименование «этапа культовой топонимики» [5, с. 221], было осуществлено больше половины всех переименований, состоявшихся в нашей стране в XX веке [6, с. 92]. Социологи считают, что подобные интенсивные изменения мемориальных топонимов предполагают сложное взаимодействие политики памяти с политикой забывания [7, с. 82] и сопряжены с расстройством исторической идентичности при переходе от исторического самосознания к социальному сознанию [8, с. 18].

Кроме того, именно с указанного периода в обществе сложилась модель восприятия топонимов как средства сакрализации личности, фамилия которой закрепляется в соответствующей номинации. Данная модель не претерпела существенных изменений до сих пор [9, с. 201-205].

Мемориальные топонимы, появившиеся на картах в эпоху существования Советского Союза, в лингвистике принято называть советонимами, подразумевая, что они всегда несут ярко выраженную идеологическую окраску [10, с. 59]. За счёт широкого внедрения подобных советонимов около 35 % русских топонимов следует рассматривать как мемориальные, причём 25 % считаются посвящениями людям, а оставшиеся 10 % – посвящениями культурно релевантным событиям [11, с. 28]. В большинстве современных лингвистических работ соответствующие лексические единицы оцениваются негативно, как свидетельство «политической незрелости общества» [12, с. 27].

Ранее проведённые исследования показали, что в массиве мемориальных топонимов преобладают названия городских объектов [13, с. 94], то есть урбанонимы, хотя прочие классы топонимов, в частности, ойконимы, также могут способствовать сакрализации увековечиваемых личностей. Ориенти-

¹ *Святославский А.В.* Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии. Москва: Моск. пед. гос. ун-т, 2011. С. 10-14.

² *Мегилл А.* Историческая эпистемология. Москва: Канон, 2009. С. 116.

руясь на этот тезис, мы поставили своей целью провести сравнительный семантический анализ кампаний по массовому переименованию населённых пунктов и улиц Калининградской области, последовавшему за включением территорий бывшей Северо-Восточной Пруссии в состав СССР и зачастую описываемому в научных источниках как процесс, при котором авторы новых названий учитывали местные географические и культурные особенности в гораздо меньшей степени, чем советские идеологические установки [14, с. 158].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

При сравнительном семантическом анализе мы сфокусировали внимание на задействованных в кампаниях мемориальных ойконимах и урбанонимах – как исходных восточно-пруссских, так и новых советских.

Были изучены 2497 актов переименования региональных населённых пунктов³ и 1000 выборочных актов переименования улиц в этих населённых пунктах, зафиксированных в целой серии источников⁴. С долями мемориальных топонимов в обеих выборках можно ознакомиться в табл. 1.

Мы видим, что, несмотря на очевидное преобладание мемориальных единиц в урбанонимии региона, мемориальные ойконимы представлены в материале исследования также достаточно широко, причём их число весьма заметно возросло после проведения кампании по переименованию местных городов и посёлков. При исследовании естественным образом бросается в глаза тот факт, что количество мемориальных урбанонимов совершенно не изменилось после их реноминации в 40-х гг. XX века.

³ Указы Президиума Верховного Совета СССР // Материалы ГАКО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 102а.

⁴ См., например, следующие архивные документы: Материалы о переименовании улиц, площадей и парков города Калининграда // Материалы ГАКО. Ф. 310. Оп. 7. Д. 1. Л. 1-32; Приказ Управления по гражданским делам Советского района № 152 от 12.12.1946 г. // Материалы ГАКО. Ф. Р-265. Оп. 2. Д. 2; Приказ Управления по гражданским делам Хайнрихсвальдского района № 2 от 30.07.1946 // ГАКО. Ф. Р-305. Оп. 1. Д. 2.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

При анализе рода деятельности выдающихся личностей, увековеченных в топонимии Северо-Восточной Пруссии и Калининградской области соответственно, который во многом опирается на данные из работы Х.М. Мюльпфорда⁵, были выделены по четыре лидирующие группы исходных и новых мемориальных ойконимов и урбанонимов (в случае с исходными ойконимами – только три, поскольку все наличные единицы чётко распределились именно по этим группам). Для удобства также представим их в табличной форме (табл. 2) с оговоркой, что под деятелями культуры мы понимаем учёных, писателей, композиторов и художников.

Сопоставление табличных данных демонстрирует, что в изучаемом отношении между мемориальными ойконимами и урбанонимами имеется больше сходств, чем различий. Перечислим основные из них.

1. Среди исходных топонимов обоих классов первую позицию по частотности занимают названия в честь политиков. Например, посёлок *Luisenhof* носит имя королевы Луизы, жены короля Фридриха Вильгельма III, которая ещё при жизни стала объектом почти культового почитания, а урбаноним *Auguste-Viktoria-Allee* представляет собой посвящение ещё одной прусской королеве – Августе-Виктории. После переименования географические названия в честь политиков остаются в четвёрке наиболее частотных, однако в количественном плане существенно уступают более распространённым урбанонимам, принадлежащим к другим группам.

2. И в ойконимии, и в урбанонимии номинации, образованные от фамилий деятелей культуры, оказываются более значимыми в советском топонимическом пространстве, чем в исходном восточно-пруссском. Особенно много отсылок среди русскоязычных названий имеется к сакрализированным писателям (примеры населённых пунктов такого рода – *пос. Лермонтово*, *пос. Гоголево*, *пос. Чехово*) и композиторам (примеры подобных

⁵ Мюльпфорд Х.М. Кёнигсберг от А до ЗЕТ // Балтийский альманах. 2015. № 14. С. 83-188.

Таблица 1. Место мемориальных топонимов в системе переименованных топонимов Калининградской области**Table 1.** Memorial toponyms placement in the system of Kaliningrad region renamed toponyms

Показатели	Ойконимы		Урбанонимы	
	исходные	новые	исходные	новые
Количество	76	566	337	337
Доля, %	3	22,7	33,7	33,7

Источник: рассчитано и составлено автором по всем архивным документам, упомянутым в исследовании.
Source: calculated and compiled by the author based on all archival papers mentioned in the study.

Таблица 2. Род деятельности людей, от фамилий которых образованы мемориальные топонимы Калининградской области**Table 2.** Occupation of people from whose surnames memorial toponyms of Kaliningrad region are developed

Ойконимы		Урбанонимы	
исходные	новые	исходные	новые
1. Политики (56): <i>Groß Albrechtshof,</i> <i>Wilhelmshöhe,</i> <i>Friedrichsthal</i>	1. Военные (303): <i>пос. Матросово,</i> <i>пос. Покрышкино,</i> <i>пос. Багратионово</i>	1. Политики (142): <i>Heidemannstraße,</i> <i>Kaiser-Wilhelm-Platz,</i> <i>Otto-Rosencrantz-Straße</i>	1. Деятели культуры (107): <i>ул. Чайковского,</i> <i>ул. Лермонтова,</i> <i>ул. Тимирязева</i>
2. Военные (15): <i>Gneisenau,</i> <i>Hindenburg,</i> <i>Trenkensruh</i>	2. Деятели культуры (160): <i>пос. Грибоедово,</i> <i>пос. Алябьево,</i> <i>пос. Менделеево</i>	2. Деятели культуры (90): <i>Simon-Dach-Straße,</i> <i>Bachstraße,</i> <i>Karl-Peters-Straße</i>	2. Военные (106): <i>ул. Малахова,</i> <i>ул. Нестерова,</i> <i>ул. Осипенко</i>
3. Деятели культуры (5): <i>Schaudinnen,</i> <i>Struwe,</i> <i>Wernsdorf</i>	3. Политики (56): <i>пос. Куйбышевское,</i> <i>пос. Ульяново,</i> <i>г. Калининград</i>	3. Военные (50): <i>Meyer-Waldeck-Straße,</i> <i>Schindekopstraße,</i> <i>Boelckestraße</i>	3. События (38): <i>ул. 1 Мая,</i> <i>ул. 1812 года,</i> <i>площадь Победы</i>
	4. События (26): <i>пос. Победино,</i> <i>пос. Первомайское,</i> <i>пос. Октябрьское</i>	4. Предприниматели (19): <i>Pulverstraße, Beeck-</i> <i>straße,</i> <i>Steenke-Straße</i>	4. Политики (33): <i>ул. Куйбышева,</i> <i>ул. Кирова,</i> <i>ул. Дзержинского</i>

Источник: рассчитано и составлено автором по всем архивным документам, упомянутым в исследовании.
Source: calculated and compiled by the author based on all archival papers mentioned in the study.

улиц – ул. Доргомыжского, ул. Чайковского, ул. Мусоргского).

3. В исходной лингвокультуре практически отсутствуют топонимы, закрепляющие исторически значимые события, которые произошли на том или ином этапе развития страны, в то время как в новой лингвокультуре фигурируют как событийные ойконимы

(в частности, название посёлка *Февральское* в Краснознаменском районе напоминает о перевороте 1917 г., завершившемся свержением российской монархии), так и событийные урбанонимы (например, ул. *9 января*, номинация которой, судя по всему, связана с Кровавым воскресеньем 1905 г.).

С другой стороны, мемориальные ойконимы и урбанонимы рассматриваемых территорий обладают двумя заметными отличиями.

1. В исходном топонимическом пространстве представлены улицы, названные в честь местных предпринимателей. Так, урбаноним *Schifferdeckerstraße* посвящён основателю кёнигсбергской пивоварни. Кроме того, в столице Восточной Пруссии жил Генрих Людвиг Веллер, открывший в городе лавку бакалейных товаров и тем самым давший название улице *Wellerstraße*. Тем не менее вклад предпринимателей не считался достаточным для образования от их фамилий обозначений населённых пунктов Северо-Восточной Пруссии. Кстати, отсутствие каких-либо топонимических посвящений предпринимателям на картах советской Калининградской области легко объясняется негативным общественным отношением к соответствующему роду деятельности в Советском Союзе.

2. Значимость ойконимов, восходящих к фамилиям военнослужащих, возрастает после переименования примерно в 20 раз, в то время как в сфере урбанонимии регистрируется более слабый рост данного количества – всего в 2 раза. Основную массу таких топонимов обоих классов в советской выборке составляют названия по фамилиям участников Великой Отечественной войны, причём как солдат (ул. *Матросова*, ул. *Утегенова* и др.), так и офицеров высшего командного состава (ул. *Черняховского*, ул. *Ватутина* и др.). В топонимическом пространстве Восточной Пруссии, напротив, для потомков сохранены преимущественно фами-

лии генералов (*General-Wever-Straße*, *General-Litzmann-Straße*) и фельдмаршалов (*Blücherstraße*, *Gneisenaustraße*).

Перейдём к характеристике гражданства лиц, увековеченных в исходных и новых топонимах Калининградской области. Для наглядности по-прежнему будем пользоваться табличным представлением количественных данных (табл. 3).

По результатам сопоставления также было отмечено больше сходств, чем различий между мемориальными ойконимами и урбанонимами. Перечислим эти сходства.

1. Как ойконимы, так и урбанонимы на исходных картах почти без исключения закрепляют имена выдающихся немцев. Кстати, из шести иностранцев, к фамилиям которых всё-таки восходят малочисленные восточно-пруссские урбанонимы, четверо являются австрийцами, а значит, носителями немецкого языка (например, речь идёт об улицах *Mozartstraße* и *Schubertstraße*).

2. Среди новых мемориальных ойконимов и урбанонимов с огромным отрывом лидируют однозначные советонимы (например, пос. *Ульяновка*, пос. *Фурмановка*, ул. *Гагарина*, ул. *Свердлова*), а названия, фиксирующие элементы досоветской русской культуры, всегда занимают второе место. В выборке ойконимов подобные названия встречаются в 2 раза реже, чем советонимы (примеры – пос. *Пугачёво*, пос. *Добролюбово*, пос. *Кутузово*), а в выборке урбанонимов – уже в 3 раза реже (примеры – ул. *Пушкина*, ул. *Ломоносова*, ул. *Льва Толстого*).

Таблица 3. Гражданство людей, фамилии которых положены в основу региональных топонимов

Table 3. Citizenship of people whose surnames are the basis for regional toponyms

Ойконимы		Урбанонимы	
исходные	новые	исходные	новые
76 – немцы	380 – советские 180 – русские 6 – иностранцы	331 – немцы 6 – иностранцы	225 – советские 75 – русские 37 – иностранцы

Источник: рассчитано и составлено автором по всем архивным документам, упомянутым в исследовании.
Source: calculated and compiled by the author based on all archival papers mentioned in the study.

Таблица 4. Связь личностей с поселениями и улицами Калининградской области, получившими свои названия от их фамилий**Table 4.** The connection of persons with settlements and streets of Kaliningrad region which received their names from their surnames

Показатели	Ойконимы		Урбанонимы	
	исходные	новые	исходные	новые
Количество	30	56	168	15
Доля, %	39,5	9,9	49,9	4,4

Источник: рассчитано и составлено автором по всем архивным документам, упомянутым в исследовании.
Source: calculated and compiled by the author based on all archival papers mentioned in the study.

Что касается отличий, то следует отметить заметное увеличение доли иностранцев среди сакрализованных личностей после переименования бывших кёнигсбергских улиц. Правда, большинство из этих иностранцев являются либо деятелями культуры мирового уровня (поэтому изначально на картах Калининградской области существовали ул. *Гёте*, ул. *Канта*, ул. *Бетховена*), либо мыслителями и политиками, деятельность которых выстраивалась в идеологически приемлемом для советских властей русле (ул. *Тельмана*, ул. *Карла Маркса*, ул. *Энгельса*).

Последняя таблица, которая была составлена в ходе проведённого сравнительного анализа (табл. 4), посвящена исследованию связи жизни и деятельности людей, увековеченных в местных топонимах, с теми географическими объектами, которые носят их имена.

Отличия, которые легко фиксируются при рассмотрении табл. 4, легко объясняются историческими факторами: среди исходных топонимов обоих классов доля единиц, образованных от фамилий выдающихся местных жителей, является значительно более высокой, чем среди новых топонимов, поскольку затронутые территории долгое время были именно немецкими, а их заселение русскоговорящими гражданами началось незадолго до присвоения новых названий. Тем удивительнее мы считаем тот факт, что некоторые посёлки (пос. *Горбатовка*, пос. *Волостново*) и отдельные улицы (ул. *Шевчука*, ул. *Полецкого*) получили, например, имена советских военных, участвовавших в восточно-прусской наступательной операции.

Помимо этого, важно подчеркнуть, что в исходном топонимическом пространстве более частотными являются именно урбанонимы, а не ойконимы в честь местных знаменитостей, видимо, по той причине, что более мелкие географические объекты вполне можно было назвать в честь проживающих поблизости врачей (*Höftmannstraße*) или юристов (*Brandtallee*), а при выборе названий для населённых пунктов более предпочтительными считались, судя по всему, имена личностей большего масштаба, например, королей и королев Пруссии (*Charlottenburg*, *Wilhelmsberg*).

На этом фоне совершенно неожиданным представляется проявление обратной тенденции при переименовании географических объектов советскими властями: доля урбанонимов, образованных от фамилий людей, имеющих отношение к региону, почти в два раза ниже, чем доля соответствующих ойконимов.

Последней задачей исследования стало выявление случаев повторяемости тех имён и фамилий, к которым восходят мемориальные ойконимы и урбанонимы рассматриваемых земель. В итоге мы констатировали, что этот феномен приблизительно в равной мере свойственен обоим классам мемориальных топонимов и обоим временным срезам их существования. При этом в исходной топонимии самым распространённым антропонимом, от которого образуются как ойконимы, так и урбанонимы, является имя императора Фридриха. В массиве ойконимов этот антропоним 13 раз употребляется в качестве первого компонента сложных географиче-

ских названий, сочетаясь с различными вторыми компонентами (примеры – *Friedrichsfelde, Friedrichsdorf, Friedrichswalde*); урбанонимы-посвящения Фридриху являются менее разнообразными (имеются в виду 6 названий *Friedrichstraße*).

В выборке наиболее часто повторяющихся русских топонимов изучаемых классов преобладают мемориальные номинации, восходящие к различным фамилиям. Среди ойконимов особой частотностью отличаются названия в честь Н.А. Некрасова (10 названий, например, *пос. Некрасово, пос. Некрасовка*), А.С. Пушкина (5 случаев) и В.И. Ульянова (также 5 случаев). Ситуацию с урбанонимами иллюстрируют, как минимум, 6 но-

минаций по фамилии Карла Маркса и 6 номинаций по фамилии Эрнста Тельмана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, независимо от того аспекта, в котором производилось историко-лингвистическое сравнение мемориальных ойконимов и урбанонимов Калининградской области, нам удалось зафиксировать больше сходств, чем различий между этими классами топонимических единиц. Одновременно в ходе исследования был подтверждён тезис ономастологов, согласно которому в целом названия улиц чаще носят мемориальный характер, чем названия населённых пунктов того или иного региона.

Список источников

1. Разумов Р.В. Посвящения политическим деятелям в урбанонимии Российской Федерации // Ономастика Поволжья: материалы 21 Междунар. науч. конф. Рязань: Рязан. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2023. С. 212-216. <https://elibrary.ru/gepomt>
2. Котельникова К.В. Влияние социальных факторов на развитие топонимов в немецком языке // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 2. С. 582-586. <https://elibrary.ru/smtexd>
3. Русия Т.Н. Персоналистские образы в политике идентичности на локальном уровне // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23. № 1. С. 81-95. <https://doi.org/10.31429/26190567-23-1-81-95>, <https://elibrary.ru/gqykzd>
4. Ворошилин С.И. Топонимические войны – насильственная смена топонимов вследствие войн и революций (часть 2) // Вопросы всеобщей истории. 2012. № 14. С. 145-164. <https://elibrary.ru/tqkvmv>
5. Демьянов К.В. Процессы переименований городов и улиц в СССР: к вопросу о периодизации и локальной специфике // Молодёжь третьего тысячелетия. Омск: Изд-во ОГУ им. Ф.М. Достоевского, 2019. С. 219-223. <https://elibrary.ru/bicilt>
6. Шульгина О.В. Историко-географический подход в изучении топонимики российских регионов // Вестник МГПУ. Серия «Естественные науки». 2016. № 2 (22). С. 84-93. <https://elibrary.ru/vzsfel>
7. Терентьев Е.А. Топонимические практики как объект социологического исследования: аналитический обзор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2014. № 3. С. 73-86. <https://elibrary.ru/skhfaj>
8. Тхакахов В.Х. Карта города: символическая трансформация пространства на Северном Кавказе // Социологические исследования. 2017. № 5 (397). С. 17-25. <https://elibrary.ru/yqrhcn>
9. Рыжков А.Б. Сакрализация мемориальной топонимии в общественном сознании // Вопросы географии. 2018. № 146. С. 200-208. <https://elibrary.ru/xtlfzj>
10. Попов С.А. Экстралингвистическое воздействие на процессы топонимической номинации // Ономастика Поволжья: материалы 19 Междунар. науч. конф. Оренбург: Оренб. кн., 2021. С. 57-63. <https://elibrary.ru/zltool>
11. Иванова И.Г., Загайнова Е.И. Национально-культурные особенности мемориальных топонимических названий во французском и русском языках // Актуальные проблемы романо-германской филологии и преподавания европейских языков в школе и вузе. 2015. № 2. С. 18-28. <https://elibrary.ru/uosmrd>
12. Беляева И.В., Кулумбегова Л.В. Ономастика как маркер ценностного конфликта // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2023. № 63. С. 24-36. <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-24-36>, <https://elibrary.ru/lbjxyi>
13. Сударь А.М. Социокультурный аспект изучения мемориальных топонимов Аргентины // Вопросы иберо-романистики. 2013. № 13. С. 94-103. <https://elibrary.ru/vjuxsd>

14. Демьянов К.В., Рыженко В.Г. Идеология, топонимика, политика памяти: о массовом переименовании городов в СССР // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 4 (16). С. 153-160. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.4.153-160>, <https://elibrary.ru/urjiti>

References

1. Razumov R.V. Dedications to political figures in the urbanonymy of the Russian Federation. *Materialy XXI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Onomastika Povolzh'ya» = Proceedings of the 21st International Scientific Conference "Volga Region Onomastics"*. Ryazan, RSU named for S. Yesenin Publ., 2023, pp. 212-216. (In Russ.) <https://elibrary.ru/gepomt>
2. Kotelnikova K.V. The influence of social factors on the evolution of toponyms in German. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 2014, vol. 19, no. 2, pp. 582-586. (In Russ.) <https://elibrary.ru/smtexd>
3. Rusiya T.N. Personalist images in identity politics at the local level. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk = South Russian Journal of Social Sciences*, 2022, vol. 23, no. 1, pp. 81-95. (In Russ.) <https://doi.org/10.31429/26190567-23-1-81-95>, <https://elibrary.ru/gqykzd>
4. Voroshilin S.I. Toponymic wars – violent change of toponyms owing to wars and revolutions (Part 2). *Voprosy Vseobshchei Istorii*, 2012, no. 14, pp. 145-164. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tqkvmv>
5. Demyanov K.V. The process of renaming of cities and streets in the soviet union: the question of periodization and the local specific. *Youth of the Third Millennium*. Omsk, Omsk F. M. Dostoevsky State University Publ., 2019, pp. 219-223. (In Russ.) <https://elibrary.ru/bicilt>
6. Shulgina O.V. Historical and geographical approach in study of place names in Russian regions. *Vestnik MGPU. Seriya «Estestvennye nauki» = MCU Journal of Natural Sciences*, 2016, no. 2 (22), pp. 84-93. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vzsfel>
7. Terentev E.A. Place-(re) naming practices as an object of sociological study: an analytical overview. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology*, 2014, no. 3, pp. 73-86. (In Russ.) <https://elibrary.ru/skhfaj>
8. Tkhakakhov V.Kh. Map of the city: the symbolic transformation in the north Caucasian space. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2017, no. 5 (397), pp. 17-25. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yqrhcn>
9. Ryzhkov A.B. The sacralization of memorial place-names in social consciousness. *Voprosy geografii = Problems of Geography*, 2018, no. 146, pp. 200-208. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xtlfzj>
10. Popov S.A. Extra-linguistic influence on toponymic nomination processes. *Materialy XIX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Onomastika Povolzh'ya» = Proceedings of the 19th International Scientific Conference "Volga Region Onomastics"*. Orenburg, Orenburg Book Publishing House, 2021, pp. 57-63. (In Russ.) <https://elibrary.ru/zltool>
11. Ivanova I.G., Zagainova E.I. National and cultural features of commemorative toponymic names in French and Russian. *Aktual'nye Problemy Romano-Germanskoi Filologii i Prepodavaniya Evropeiskikh Yazykov v Shkole i Vuze*, 2015, no. 2, pp. 18-28. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uosmrd>
12. Belyaeva I.V., Kulumbegova L.V. Onyms as markers of value conflicts. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova = Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*, 2023, no. 63, pp. 24-36. (In Russ.) <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2023-63-3-24-36>, <https://elibrary.ru/lbjxyi>
13. Sudar A.M. Sociocultural aspect of the study of memorial toponyms in Argentina. *Voprosy Ibero-Romanistiki*, 2013, no. 13, pp. 94-103. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vjuxsd>
14. Demyanov K.V., Ryzhenko V.G. Ideology, toponymy, policy of memory: about city's renaming in the USSR. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki» = Herald of Omsk University. Series Historical Studies*, 2017, no. 4 (16), pp. 153-160. (In Russ.) <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2017.4.153-160>, <https://elibrary.ru/urjiti>

Информация об авторе

ПЕТЕШОВА Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент института образования и гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, г. Калининград, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-2902-5135>, opeteshova@kantiana.ru

Поступила в редакцию 28.12.2024

Поступила после рецензирования и доработки 17.02.2025

Принята к публикации 06.03.2025

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Olga V. Peteshova, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor at the Institute of Education and Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-2902-5135>, opeteshova@kantiana.ru

Received 28.12.2024

Approved after reviewing and revision 17.02.2025

Accepted 06.03.2025

The author has read and approved the final manuscript.